

Славянофильские веяния в романе И.С. Тургенева «Дворянское гнездо»

María SÁNCHEZ PUIG

Universidad Complutense de Madrid
mspui@teleline.es

Recibido: diciembre de 2006
Aceptado: febrero de 2007

Абстракт

Краткий анализ влияния славянофильских идей в романе Тургенева «Дворянское гнездо».

Ключевые слова: Тургенев, славянофилы.

Resumen

Tendencias eslavófilas en la novela de I.S. Turguénev “Nido de nobles”

Breve análisis de la influencia de la corriente eslavófila en la sociedad rusa del s. XIX, en la novela de Turguénev “Nido de nobles”.

Palabras clave: Turguénev, eslavofilia.

Abstract

Slavophil tendencies in the novel A Nest of Nobles by I.S. Turgenev

Analysis of the slavophil influence in XIXth century Russian society upon the Ivan Turgenev’s novel.

Key words: Turgenev, slavophilia.

Роман «Дворянское гнездо», законченный И.С. Тургеневым в 1858 году, вышел в свет годом позже, в 1859 г., однако действие романа происходит гораздо раньше, в 1842 г., как отмечает сам автор в первых же строках. С почти двадцатилетней перспективы Тургенев отразил в своем романе разлом, идеологическую дихотомию, характеризовавшие русскую общественную жизнь 40^х годов XIX столетия. За эти истекшие годы, как в жизни русского общества, так и в мировоззрении самого автора, произошли весьма существенные изменения.

Идеологический стержень, вокруг которого выстроен роман «Дворянское гнездо» – это противостояние западников славянофилам, вопрос, которого Тургенев касался не впервые, ибо в предыдущем романе «Рудин», появившемся на свет тремя годами раньше, в 1855 г., эта тема уже затрагивалась и притом довольно глубоко. И если образ Рудина, навеянный, как известно, исторической личностью – теоретиком анархизма Михаилом Бакуниным – представляет собой прототип не просто и не только западника, а революционера, противника и активного сокрушителя традиционных устоев русского общества, то героем «Дворянского гнезда» становится славянофил Лаврецкий. Ему, в свою очередь, противопоставлен образ западника Паншина, которому в сюжете отводится второстепенная и, выражаясь терминами советской эпохи литературоведения, не совсем «положительная» роль.

Западничество *versus* славянофильство – вопрос не новый, уходящий корнями в глубь истории, начиная с момента принятия христианства – насильственного обращения Руси в новую, чуждую ее восприятию мира веру. Далее – петровская эпоха, и вновь насильственное приобщение к чуждой западной культуре, причем в обоих случаях – волюнтаристским решением личности (а когда-то нас учили, что личность не делает истории!), посредством шоковой терапии, без переходных периодов для осмысления, адаптации, восприятия, усвоения... что, впрочем, наблюдается и в наше время.

Навязанная сверху и не востребованная снизу, западная культура, охватившая лишь верхние слои русского общества, приводит к отчуждению этих сословий от массы народа, ибо верхи воспитаны, живут и мыслят по западной модели мира, а низы по традиционной русской, верхи мучаются перед выбором пути исторического развития России, а низы даже не задумываются над этим, и, наконец, верхи общаются между собой на чужом языке, непонятном простому русскому человеку. Возможно ли большее отчуждение?

Выбор между западничеством или славянофильством – извечный вопрос, отражавший накал социально-идеологической борьбы, знаменующей переходное время 40^х годов XIX века, описанное в романе Тургенева.

Западников представляли профессора Московского университета Т.И. Грановский и П.Г. Редкин, писатели, публицисты и критики А.И. Герцен, П.Я. Чаадаев, П. В. Анненков, В.П. Боткин; их взгляды разделяли, в принципе, И.С. Тургенев, Д.В. Григорович, И.А. Гончаров. В начале это был просто круг людей, близких по взглядам Герцену, сложившийся в Москве в начале 40^х годов. Собирались у Боткина, у Грановского, но чаще всего в доме Герцена, на Сивцевом Вражке. Их бесконечные беседы и дискуссии касались разных явлений жизни и искусства, но всегда на первом плане стояли европейские дела, учения, течения. Западники высоко ценили петровские реформы, считали, что Россия должна, наконец, полностью приобщиться к Западу и развиваться по европейскому образцу, чтобы наверстать потерянное время, искоренить вековую отсталость, изменить быт, мышление, отношения между властью и народом. Выражаясь современной политической терминологией, западники занимали либерально-буржуазную позицию, являлись сторонниками конституционной монархии и парламентского строя на западный манер. Они отрицательно

оценивали русское самодержавие, выступали против крепостного права, являлись сторонниками европеизации страны, промышленного развития, не принимая, при этом (за некоторыми исключениями) ни социалистических учений, ни революции, мысля о необходимых реформах сверху, но никогда не снизу. Особую силу и авторитетность западничеству придавало доброжелательное отношение русской интеллигенции к западной культуре. В этом аспекте западничество явилось ядром, притягивающим к себе значительное количество единомышленников.

Однако как движение западников, так и славянофилов, не были ни однородными, ни монолитными. В первой половине 40^х г.г. в лагере западников еще не произошло раскола между либералами и социалдемократами, и все они держались (пока что) единым фронтом против славянофилов. Идеологическая неоднородность западников вызвала в конце 40^х г.г. распад на вышеупомянутые две группы, а затем и левую радикализацию социал-демократов.

Что же касается славянофилов, можно сказать, что о роли этого течения спорят и по сей день. В западной литературе их роль в развитии русского общественного самосознания оценивается весьма высоко; советские исследователи и литературоведы, в зависимости от времени и обстоятельств, рассматривают их то как ярких реакционеров (50^е годы), то как консерваторов (60^е г.г.) то как, в лучшем случае, оппозиционеров и охранителей (с 70ых г.г.). Однако славянофильская идеология более сложна и глубока, нежели может показаться на первый взгляд.

Возникнув в начале 30^х г.г. XIX века, славянофильство окончательно определилось и окрепло в 40^е годы. Ведущими идеологами славянофилов являлись поэт, публицист и философ А.С. Хомяков (упоминаемый в 33^{ей} главе «Дворянского гнезда» Паншиным), писатель И.С. Аксаков, историк Ю.Ф. Самарин, поэт Тютчев и др. Славянофилы отстаивали идею самостоятельного пути исторического развития России, отдельно и независимо от Запада, исключая, тем самым, развитие промышленного капитализма, революционные перевороты, идеи социализма, активно проникавшие в Россию с Запада и не соответствовавшие русскому традиционному укладу жизни. Сторонники славянофильства считали, что насильственная европеизация России, проведенная Петром I при помощи жестких реформ, искажила саму суть отношений между властью и народом, привела к разрыву между ними: народ остался, в глубине, верен своим историческим корням — правители же перешли на сторону европеизации.

Большое значение славянофилы придавали роли общины и коллективных начал в русской истории, идеализировали допетровскую эпоху, считали русский народ аполитичным, по природе своей склонным к патриархальности, кротости, смирению, терпению, повиновению. Религиозная и духовная культура старой Руси, — если можно так выразиться „внутренняя” культура, — ставилась ими гораздо выше „внешней”, материалистической, рационалистической культуры Запада. Утверждая национальную исключительность русского народа, его превосходство по своей сущности и возможностям перед другими народами, славянофилы указывали на мессианскую роль России как главы панславянства. Одним из определяющих элементов этого мировоззрения стало православие.

Но в то же время, нельзя сказать, что славянофилы безоговорочно принимали русскую действительность 40^х годов и мирились с тяжелым положением крестьян: они считали обязанностью самодержца прислушиваться к голосу своего народа, созывать выборные земские соборы. Ратуя за отмену крепостного права из моральных и экономических соображений, они считали, что все меры должны исходить сверху, от самого государя.

Видя в русском крестьянстве основного хранителя отечественных нравов и обычаев, а в послепетровском дворянстве – сословие, совершенно оторвавшееся от национальной почвы, отрешившееся от обычаев и даже языка, славянофилы не без основания упрекали дворянство в слепом подражании Западу, в презрении к своей национальной культуре, в оторванности от своего народа.

Несомненной заслугой славянофилов явилось их внимание к народу, к его истории, быту, языку, культуре, фольклору. Стоит только вспомнить об 11-томном собрании русских народных песен П.В. Киреевского.

По ходу времени и событий, особенно начиная с периода подготовки правительственных реформ, увенчавшихся в 1861 г. отменой крепостного права, славянофилы эволюционируют вправо, постепенно теряя свой оппозиционный характер. В свою очередь, в лагере западников тоже происходит раскол и частично левая радикализация в сторону социализма, атеизма, революции и – далее более – террористических организаций.

Но все это произошло несколько позже, а в начале 40^х г.г., описываемых в романе «Дворянское гнездо», явно обозначились две враждующие тенденции: славянофилы упрекали западников в утрате национального самосознания и корней, в недооценке достоинства собственного народа, его культуры, духовных и материальных традиций, в недооценке роли России в общей истории человечества; западники, в свою очередь, называли славянофилов «квасными патриотами», «апостолами невежества», апологетами «кондовой Руси», упрекали их в торможении развития России.

Таким образом, русская интеллигенция 40^х годов XIX в. раскололась на два лагеря. Это противостояние охватило и другие социальные слои русского общества, как, например, поместное дворянство.

Такой тонкий наблюдатель и знаток русской жизни, как Тургенев, не мог не отразить в своих произведениях, так или иначе, этой идеологической конфронтации.

Сам Тургенев, получивший, как и все дети из зажиточных дворянских семей, прекрасное образование на европейский манер и свободно владевший несколькими западноевропейскими языками, вначале примкнул к движению западников, при существенной, однако, оговорке: Тургенев никогда не включался в активную политическую игру, пытаясь лишь отразить в своих произведениях жизнь и быт современного ему общества, во всех его прослойках. Однако со временем писатель эволюционировал, и к моменту написания романа «Дворянское гнездо» его мировоззрение изменилось: нельзя сказать, что в этом романе автор открыто провозглашает свою приверженность идеям славянофильства, но славянофильские «веяния» явно ощутимы. И

ощущаются они не только и не столько в прямой передаче идеологических споров между Паншиным и Лаврецким, сколько в самом описании героев, в нескрываемой симпатии автора к одним персонажам и неприязненной иронии по отношению к другим. Обратимся к тексту.

Идеологическая конфронтация западников и славянофилов в реальной жизни переносится Тургеневым в роман через столкновение двух противоположных личностей: Паншина — убежденного западника, и Лаврецкого — выразителя славянофильских идей. Причем с первых же моментов появления на сцене этих персонажей, читатель явно чувствует, что симпатии автора на стороне Лаврецкого, в то время как Паншин представлен в ироническом, откровенно невыгодном свете.

Распределение ролей и позиций с первых страниц романа становится ясным, оно проявляется не только в самих персонажах-символах, но и во всем, что их окружает, во всех их действиях, помыслах и чувствах. С одной стороны Паншин — «вечно со своим кадастром», как язвительно замечает автор устами Лаврецкого, — блестящ, умен, красив и скромностью не страдает; его чувства поверхностны, в нем нет души, глубины, искренности; он «холоден и хитер» — прямо сообщает автор, и единственное его стремление — это сделать карьеру во что бы то ни стало. Инстинктивно или сознательно, но его недолюбливают все те персонажи, которые симпатизируют Лаврецкому и которым, в свою очередь, симпатизирует сам автор (Марфа Тимофеевна, старик Лемм, сама Лиза); и наоборот, к нему тяготеют персонажи, несовместимые с характером Лаврецкого (Варвара Павловна, Марья Дмитриевна). Таким образом, в романе тоже образуются два лагеря, две группировки диаметрально противоположных личностей. Так как в данном случае нас интересует одна из них, именно та, посредством которой автор вводит в корпус романа «славянофильские веяния», то ею конкретно мы и займемся. Это группа действующих лиц, сосредоточенная вокруг фигуры главного героя — Лаврецкого, наиболее ярко и богато описанная автором, и ко всем ее членам явно проявляются авторские симпатии с расчетом и на симпатии читателя. Кто же эти персонажи?

В первую очередь, это сам Лаврецкий. При описании портрета Лаврецкого (гл. 7) Тургенев нарочито подчеркивает его «чисто русское лицо», которое «так и веяло степным здоровьем», высокий рост, статность, физическую силу. Итак, носитель славянофильского мировоззрения для начала обладает чисто русской (в народном понятии) внешностью: здоров и плечист, белокур, голубоглаз и краснощек. Далее, в главе 8, где описывается происхождение рода Лаврецких и детство Федора, автор неоднократно указывает на близость, на кровную связь Лаврецкого с простым народом (его мать была крепостной), подчеркивает, что все лучшее, что заложено в Лаврецком, получено им от патриархальной деревенской среды, в которой он вырос и воспитался. Западные педагогические причуды, привезенные отцом, причинили ребенку лишь страдания, заставили его уйти в самого себя, не заложили в нем ни доброты, ни любви к ближнему и, что самое важное — не вселили в него настоящего религиозного чувства. (Запомним это и сравним, несколько позже, с воспитанием, которое получила Лиза). Знаменательно, что отец Лаврецкого, вернувшись англоманом,

намеревался ввести преобразования на западный манер в имении и в доме. При описании англомании Ивана Петровича и его реформ Тургенев не скупится на иронические — порою сатирические — замечания, в которых явно просвечивает отношение самого автора к «западным поветриям» русского барина. Приведем несколько примеров (гл.10): «... он называл себя патриотом, хотя Россию знал плохо, не придерживался ни одной русской привычки и по-русски изъяснялся странно»; «речь его... неповоротливая и вялая, вся пестрела галлицизмами»; «он... привез с собой несколько рукописных планов, касавшихся до устройства и улучшения государства»; «он был очень недоволен всем, что видел»; «в доме... произошли некоторые перемены: приживальщички и тунеядцы подверглись... изгнанию; в их числе пострадали две старухи, одна — слепая, другая — разбитая параличом» (контраст с традиционным русским милосердием и щедростью дома по отношению к обездоленным); «иностранные вина изгнали водки и наливки» и пр. И наконец самое главное, самое значимое замечание автора по отношению к нововведениям англомана Ивана Петровича: «... всё осталось по старому, только оброк кое-где прибавился, да барщина стала потяжелее, да мужикам запретили обращаться прямо к Ивану Петровичу: *патриот очень уж презирал своих сограждан*». Вот оно — отношение Тургенева к западничеству.

Сам Лаврецкий, частично следуя примеру отца, пробыв несколько лет за границей, возвращается к себе в имение с благим намерением «пахать землю» (гл. 33, спор с Паншиным), что также является весьма характерной чертой славянофильских настроений — возвращение к земле, к землепашеству, к простоте крестьянской жизни. В споре Лаврецкого с Паншиным заключена вся идеологическая подоплёка романа. Лаврецкий, по словам автора, «отстаивал молодость и самостоятельность России», «... доказал невозможность скачков и надменных переделок, не оправданных ни знанием родной земли, ни действительной верой в идеал...», «требовал... признания народной правды и смирения перед нею — того смирения, без которого и смелость противу лжи невозможна». В этих словах и заложена сущность славянофильства: историческое своеобразие России, неоправданность переделок, народная правда, смирение. Не хватает лишь элемента православия, которое воплощает в себе Лиза. Именно эта идейная цепочка пронизывает и связывает между собой в одно тематическое целое остальных персонажей из окружения Лаврецкого, прямо противостоящих западнику Паншину с его «кадастром», «хорошими учреждениями», «переделкой быта» и пр.

Рассмотрим теперь главную женскую фигуру — Лизу. Политика, по словам автора, «ее не занимала, но ее глубоко оскорбило презрение к России, высказанное Паншиным».

Выросшая в русской среде, воспитанная в русских традициях, Лиза близка по языку и духу к русскому крестьянству: «ей было по душе с русскими людьми», «русский склад ума ее радовал». Далее: Лиза выросла на руках у Марфы Тимофеевны и, что особо важно, под сильным влиянием няньки Агафьи (неизбежно возникает ассоциация с пушкинской Татьяной). Нянька – простая русская крестьянка, истинно русская душа, проникнутая

глубокой верой, богомольная и смиренная («нагрубит ли ей кто – она только поклонится и благодарит за учение»). Агафья рассказывает девочке Лизе жития Богоматери и святых, мучеников, отшельников и божьих угодников, не боявшихся говорить правду царям. Агафья вселила в детскую душу Лизы истовое чувство веры, дома, нравственной чистоты и благоговейного страха перед суровым, но справедливым Богом. Все это проникло в самую глубь ее существа, сделало ее чистой, сильной, верной своим убеждениям. Это как раз тот элемент православия, та духовная сила, поддерживаемая верой, которой не хватает Лаврецкому.

Положительной роли крестьянки Агафьи противопоставлена явно отрицательная фигура гувернантки-француженки Моро. Вновь повторяется дихотомия: исконно русское, православное воспитание против поверхностного, светского воспитания на западный манер. И опять при помощи описания внешности этих двух персонажей-символов, автор накладывает светотени, подчеркивает свою идею духовного превосходства русской культуры над западной: Агафья «красавица была необыкновенная, ... умница, речистая, смелая», «с похудевшим, но все еще прекрасным и выразительным лицом», «сидит прямо»; француженка Моро – это «крошечное сморщенное существо с птичьими ухватками и птичьим умишком», «... лицо у нее принимало выражение почти мертвенное — ... и так и видно, что никакой мысли не пробегает в голове» (гл. 35).

Ко всему сказанному следует добавить, что склонность Лизы к мистике, ее пострижение в монахини (как концовка романа), которое переключается с судьбой Агафьи, ушедшей, по слухам, в раскольничий скит, — все это не что иное, как опорные точки славянофильства в структуре романа.

В этом же плане интересна и фигура Марфы Тимофеевны. Именно она является духовной опорой Лизы в критический момент, именно ей доверяется Лиза, а не матери, именно она знает Лизу и понимает ее лучше, чем родная мать. Это тоже не случайно. Марфа Тимофеевна имеет (и гордится, и хранит) глубоко русские корни, она всю жизнь прожила в деревне, среди крестьян, и «10 лет в курной избе у мужика». Она смеется над «французским диалектом», недолюбливает Паншина за его западный лоск и не по-русски блестящие манеры, она с первого же момента становится на сторону Лаврецкого, с его русофилией; Лиза чувствует в ней родственную душу: русский склад ума и чувств обеих женщин сближает их духовно теснее, нежели кровные связи.

Перелистывая последнюю страницу романа «Дворянское гнездо», у читателя остается весьма четкое представление о тех идеях, которыми руководствовался автор при написании романа и которые желал передать читателю. Они просты, их немного, и все они попадают под общий знаменатель любви к России. Из романа вытекает, что традиционное русское воспитание в простоте, в близости к народу, в русских традициях и в православии порождает людей с чистой душой, глубокими чувствами, богатой духовной, «внутренней» жизнью. Воспитание же на западный манер, это «окунание» в иностранную, чуждую культуру непотребно русскому человеку. Вспомним дочь Лаврецкого, Аду, воспитанную в парижских и петербургских салонах на западный манер; по

словам автора, «из пухлого румяного ребенка она превратилась в слабогрудую, бледную девочку; нервы ее уже расстроены».

Западный устррой жизни, если он хорош, то хорош для западных стран — русский склад жизни имеет свои достоинства и ценности, а русский мужик «может, он доволен своей судьбою».

Западное влияние с его блеском салонов, легкомыслием, элегантной беспечностью чуждо русскому духу, жаждущему природы, спокойствия, раздумья.

Именно на Западе Лаврецкий был глубоко несчастен, именно там рухнули его мечты о счастье, именно там он чувствовал, что все ему чуждо, странно, непривычно. Только вернувшись в Россию, в старенькое свое имение, в полуразвалившийся дом, заглохший сад, и в окружении дряхлых слуг «скорбь о прошедшем таяла в его душе, как весенний день, и — странное дело — никогда не было в нем так глубоко и сильно чувство родины».

Примечательно, что Тургенев (и не только он) проводит ассоциативные линии «родина — бедность — заброшенность — зато свое, родное», и соответственно «запад — богатство — лоск — чужое».

И до каких же пор бедность и заброшенность будут считаться чуть ли не добродетелями, гарантиями духовности и возвышенных чувств? Или это всего лишь попытка самооправдания перед самим собой? Разве благосостояние притупляет мысли и чувства? Напомним, кстати, что сам Тургенев был вполне «западным» человеком, получил прекрасное западное воспитание, владел несколькими иностранными языками, жил весьма безбедно, много путешествовал, и большую часть жизни прожил в Париже, изредко наезжая в Россию, в свое отнюдь не «старенькое» и «полуразвалившееся» имение.

Морально-этическое противопоставление Запад = материализм, поверхностность, душевная опустошенность, *versus* Россия = духовность, возвышенность, глубина чувств и т.д., залегающее в тургеневском тексте, не утратило своей актуальности и ныне. Среди современных русских писателей бытуют радикальные славянофилы, проповедующие возвращение к традиционно русским формам жизни, и нередко можно слышать авторитетные голоса, упрекающие Запад в материализме и бездуховности, забывая о том, что западноевропейская культура породила великих мистиков, богословов, философов, поэтов, композиторов и прочих бессеребрянников, которых трудно упрекнуть в материализме и бездуховности.

К извечным русским вопросам *что делать?* и *кто виноват?* можно добавить и третий: *камо грядеши, Русь?*, хотя, казалось бы, за столько веков, Россия должна была бы найти свой путь.